

ИРИНА
ШАЙТИНА

Я ТВОЯ
последняя
ИГРУШКА

18+

Ирина Шайлина

Я твоя последняя игрушка

«Автор»

2024

Шайлина И.

Я твоя последняя игрушка / И. Шайлина — «Автор», 2024

— Глупая девочка...Он тихо смеётся, от его смеха мурашки по коже. Проводит пальцем по моему позвоночнику, я вздрагиваю и задерживаю дыхание. Я стала его любовницей по своей воле - мечтала, что он сдохнет от моих рук. А теперь...— Ты и правда думала, что сможешь меня убить? Ненависть даёт мне сил, я поднимаюсь на ноги, смотрю ему прямо в глаза. — Тебе меня не сломать, - шепчу так тихо, что едва слышу свои слова. Но он меня слышит.— Игрушки всегда ломаются, - говорит он с печалью в голосе. - Всегда. А потом...улыбается.

Содержание

Глава 1. Алла	5
Глава 2. Багров	9
Глава 3. Алла	11
Глава 4. Багров	14
Глава 5. Алла	17
Глава 6. Багров	21
Глава 7. Алла	24
Глава 8. Багров	26
Глава 9. Алла	29
Глава 10. Багров	32
Глава 11. Алла	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Шайлина

Я твоя последняя игрушка

Глава 1. Алла

Он не был красив в классическом понимании этого слова, мужчина, на которого я смотрела сквозь окуляры бинокля. Слишком резкие черты лица, глубоко посаженные глаза. Отсюда они чёрными казались, но я знала, они серые. У меня были его фотографии, много фотографий.

Недавно прошёл дождь, и крыша, на которой я лежала, была мокрой. Сырость и ночной холод пронизывали насквозь, но я не отрывалась от своего занятия. Я к этому семь лет шла...

Он пил виски в изолированном вип кабинете ресторана. Одна из штор отдернута, чем я воспользовалась. Я вижу угол дорогого стола из красного дерева. Пепельницу с тлеющей в ней сигаретой. Руку, которая так небрежно расслабленно лежит. Мужчина находится ко мне боком, я вижу его профиль. С жадностью рассматриваю лицо, которое изучила уже полностью, я могу нарисовать его с закрытыми глазами.

– Я хочу, чтобы ты умер, – шёпотом говорю я. – Подонок.

И он...он вдруг поворачивается ко мне. И я уверена, что смотрит прямо в глаза. Я откатываюсь назад, скольжу по мокрой черепице крыши, сердце бешено бьётся. Пытаюсь убедить себя – он не мог меня увидеть. Между нами дорога, ночь, я на крыше... Спокойнее не становится. Бегу по крыше, рискуя упасть вниз или попасться на глаза охране. Кроссовки грохочут, но я точно знаю, что внизу, внутри этого здания ночью никого нет. Добегаю до угла, прыгаю на пристройку магазина, с неё на мокрый асфальт и бегу прочь.

Я не могу попасться сейчас. Я слишком долго к этому шла – больше семи лет. И час икс все ближе. И...даже умереть не страшно, хотя жить хочется со страшной силой.

Ночью я то и дело вскрикивала – мне снилось, что он на меня смотрит. Просыпалась, шла на кухню. Полы в съёмной однушке протяжно скрипят в такт моим шагам. Пью горький кофе и смотрю на улицу, в ночь, и даже там, кажется, его глаза вижу. Мне не сбежать, да и не буду. Я бегу ему навстречу, только он этого ещё не знает.

Утро я встречаю полностью одетой и готовой к выходу. Ещё рано, но та, встречи с которой я жажду, просыпается на рассвете. У неё ребёнок маленький, и они гуляют до наступления дневной жары. Я с трудом нашла её адрес, и эта встреча для меня очень важна.

Она курит, стоя в стороне от детской площадки. Ребёнок лет полутора с задумчивым видом ковыряет песок лопаткой.

Я на мгновение останавливаюсь, разглядывая её. Багров явно знает толк в женщинах – она красива. На её лице умиротворение, и мне не хочется нарушать её покой, но я это сделаю.

– Мария? – шагаю я к ней.

Маска покоя слетает с её лица во мгновение. В светло-зелёных глазах испуг. Смотрит на меня, видит молодую девушку в толстовке, мечется глазами, не веря, что я одна.

– Что вам нужно?

Бросается к своему ребёнку. Малыш не хочет выпускать лопату, на футболке женщины остаётся некрасивое пятно, но она не замечает. Стискивает ребёнка и бежать готова.

– Это его ребёнок? – спрашиваю я. – Я одна. Я не сделаю вам плохого. Я просто задам несколько вопросов и уйду.

Плечи женщины поникают. Она понимает, что здесь ей бежать некуда, не от себя же и от своего дома. Садится на край песочницы, ребёнок кричит, но она не выпускает его из рук.

– Нет. Это ребёнок моего мужа. Багров...он не хочет детей и это было одним из условий нашего соглашения. Уйдите, пожалуйста, я хочу, чтобы вы ушли.

Но я – неумолима. Я иду к своей цели уже семь лет и меня не остановить.

– Расскажите мне о нем и я уйду. Каких женщин он любит? Каковы его предпочтения в сексе? Мне... Все важно. Какие фильмы он любит?

– Он любит старые голливудские фильмы, – вдруг улыбается Мария. – Он любит сильных женщин, с иными ему нянчиться лень. Секс...он любит секс. Что вы ещё хотите знать? Мы расстались больше трех лет назад. Если...я скажу лишнего, это может аукнуться мне.

Последний мой вопрос один из самых важных.

– Он жесток?

О, я знаю, что он монстр. Но так же я знаю, что порой монстры кажутся лучшими из людей.

– Он равнодушен. Его ничто не трогает. Всё люди для него... игрушки. Но он не жесток... Я была с ним год, он хорошо мне заплатил, я смогла открыть свой бизнес. Мой муж ничего не знает, не говорите ему, пожалуйста...

Она и правда сильная. Если будет нужно, будет сражаться за своего ребёнка. Но она слишком счастлива, а счастливые люди уязвимы. И мне остро жаль и её, и ребёнка, который плачет, не понимая, что с матерью случилось.

У меня была сотня вопросов. Но эта жалость...она мне мешает. Я отступаю, ухожу, оставляя испуганную женщину и плачущего ребёнка. Но она вдруг окликает меня. Я останавливаюсь, не оборачиваясь, жду её слов.

– Он тебе не по зубам, девочка, – говорит она. – Не стоит...лучше уезжай. Беги прочь.

Только ехать мне некуда. Жаль, что я не узнала почти ничего нового. Я и так знала, что он умен. Равнодушен и расчётлив. Что любит классику кинематографа. Но эта встреча была нужна мне...

– Сегодня, – напоминаю я себе, шагая по городу. – Это случится сегодня.

Я готовлюсь заранее. Отстраненно, словно это происходит не со мной. Принимаю душ. Сушу волосы, глядя на себя в зеркало. А потом уступаю внезапному порыву, приношу с кухни острый нож, обхватываю гриву своих волос и обрезаю. Волосы, которые при длине по пояс были просто волнистыми, сейчас выются мелким бесом. Взбиваю их, крашу губы алой помадой.

Из зеркала на меня смотрит блондинка с алым ртом. Светлые кудри не достигают и плеч.

– Мэрилин Монро, – хмыкаю я.

Но я надеюсь, что эта импровизация мне поможет. Капельку духов в ложбинку груди. С макияжем главное не перемудрить – я не хочу выглядеть старше своих двадцати шести. Платье с открытым декольте. Туфли лодочки.

Я готова и одновременно понимаю – не буду готова никогда.

– Назад пути нет...

Всё бы хорошо, если бы не страх, который плещется в моих глазах.

Я выхожу из дома в девять вечера. Бар, который посещает Багров, находится почти на окраине, в тихом районе, что сыграло мне на руку при слезках. Тем не менее, так просто сюда не попасть. На входе строгий фейс-контроль. Вчера меня сюда точно не пустили бы, а сейчас охранник окидывает меня одобрительным взглядом. Я – то, что нужно. Пушечное мясо. Игрушка, для услады тех, кто сорит здесь деньгами.

Только никто не знает, какова моя истинная цель.

В баре негромко играет музыка. Ещё рано, здесь мало людей. Я нахожу взглядом охранника Багрова – стоит чуть в стороне, значит и его хозяин уже здесь. Прохожу к барной стойке. Тот, кто мне нужен, появится здесь. Закажет виски со льдом, будет задумчиво рассматривать тех, кто пляшет под его дудку.

Сегодня он встретит меня.

– Воду со льдом, – говорю я бармену.

Ловлю на себе несколько мужских взглядов и недовольно морщусь. Я не привыкла быть такой яркой. Мой привычный камуфляж это толстовка, джинсы, длинная коса. Теперь я чувствую себя голой и это обезоруживает. Главное, чтобы Багров появился сейчас, до тех пор, пока ко мне не подкатил никто из местных толстосумов.

По запотевшему бокалу лениво скользит капля. На кубиках льда лежит лист мяты. Делаю глоток и от холода буквально сводит зубы. Капля срывается и падает на тонкую ткань дорогих чулков.

За барной стойкой никого кроме меня, но бармен внезапно срывается с места и торопливо готовит порцию виски со льдом. Я подбираюсь и даже спину выпрямляю сильнее.

Момент икс настал.

– Ваш виски со льдом, – говорит бармен.

Мне мучительно хочется повернуться, я первый раз так близко к нему нахожусь. Но я должна быть спокойна. Он ведь не должен догадаться, что я пришла лишь ради него... лезу в свою маленькую сумочку. В ней тонкие дамские сигареты, золотая зажигалка. Курить я не люблю, но специально училась делать это красиво. Не спеша закуриваю и глубоко затягиваюсь.

– Девушка! – моментально реагирует бармен. – Курить внутри заведения строго запрещено.

Но я – сама невозмутимость. Я – сама уверенность. Вынимаю из кошелька несколько крупных купюр и бросаю их на барную стойку. У бармена смешно вытягивается лицо, он явно не знает, как реагировать, учитывая, что рядом с ним сидит хозяин этого бара и один из самых богатых людей города.

– Теперь можно? – спрашиваю я и очаровательно улыбаюсь.

– Я вынужден вызвать охрану...

Но парня перебивает ОН. От его низкого голоса мурашки по коже.

– Брось, Толик... пусть курит.

Значит, я сумела его заинтересовать. Теперь я могу медленно к нему повернуться. Теперь моё любопытство оправдано. Я дышу через раз, но я сильная, я столько раз репетировала...

– Вы царь и бог? – спрашиваю я, вопросительно приподнимая бровь.

– Почти... А вы забавная, – заключает Багров. – Вы так богаты?

Кивает на брошенные мной купюры. Делает глоток виски, я смотрю на его руки, на его излишне резкое лицо... господи, как он близко, тот, кого я ненавижу.

– Нет, – пожимаю плечами я. – Это мои последние деньги. Но если я не могу тратить их на свои прихоти, зачем они мне?

– И правда, – соглашается Багров. – Толь, угости даму за счёт заведения.

И... уходит. Я смотрю в его спину и не могу поверить своим глазам. Я столько лет пыталась к нему пробиться. Я работала стажером в его фирме, но так и не сумела попасть в штат. Я следила за ним. Я знаю, что он ест, что пьёт, чем живёт. И я... не сумела его заинтересовать.

Глухое беспросветное отчаяние не даёт дышать. Тушу сигарету в подставленной пепельнице, залпом допиваю воду. Отмахиваюсь от бармена – я не пью. Если и решусь выпить, то явно не в самом логове зверя. Я просрала свой шанс на месть. Но я не сдамся. Я придумаю что-то ещё...

Выхожу на улицу. Вечер удушающе душный. Лодочки на высоких каблуках, дань моему желанию быть похожей на голливудскую диву пятидесятых, ужасно жмут. Снимаю их, иду босиком, благо в этом тихом районе почти нет прохожих. Я не плачу, я давно разучилась плакать. Да, я просрала свой шанс. Но будут и другие, пусть даже мне снова семь лет ждать придётся.

Автомобиль притормаживает, негромко шурша шинами. У меня нет сил даже испугаться, я слишком опустошена. Равнодушно смотрю на опускающееся затонированное стекло.

– Босоногая леди? – спрашивает Багров, кивая на мои ноги.

Я тоже опускаю взгляд вниз. Испачканные в дорожной пыли ступни никак не вяжутся с моим изысканным платьем и алыми губами.

– Я не леди, – честно отвечаю я. – И близко не стояла. Я притворяюсь...

И дверь дорогого автомобиля приглашающе открывается.

Глава 2. Багров

Подбирать девушек прямо на улицах – явно не мой формат. Но эта... Она была... непонятной, да. И этим привлекала внимание. У неё была красивая шея. Тонкая. Руки, изящные кисти с тонкими пальцами. Но не они привлекли моё внимание, а скорее ссадина. Длинная, уже заживающая царапина, словно девушка в свободное время развлекались тем, что лазила по заборам. Эта ссадина диссонировала с платьем, которое позволяло любоваться и плечами, и чуть приоткрытой грудью.

– Как вас зовут? – спросил я, закуривая.

Затылок моего охранника выражал явное неодобрение. Если уж я решил завести любовницу, то по его мнению это должна быть солидная дама, а не эта вот, что босиком по дороге шла, а теперь сидит, судорожно сжимая в руках свои туфли.

– Алла.

Я смотрю на её профиль. Прямой носик с глубоко утопленной переносицей – ещё немного, и она стала бы курносой. Чистый высокий лоб. Алые губы, которые тоже с ней никак не вязались, как и та ссадина. Она не была красивой по современным канонам красоты. Она... казалась чистой. Но чистая девушка не придёт ночью в дорогой бар, в платье, которое при наклоне позволит разглядеть цвет нижнего белья. Если оно там есть, это белье.

– Алла... – повторяю я, примериваясь к её имени. Оно такое же необычное, как она сама. – И что ты искала в этом баре, Алла?

Она пожимает плечами. Чуть касается волос, этот жест такой неуверенный, что я понимаю – волосы обрезала недавно.

– Я нашла вас, – отвечает и ко мне поворачивается.

Мы смотрим друг другу в глаза. И меня вдруг посещает нелепая мысль, что происходит что-то... судьбоносное. В корне неправильное. То, что бесповоротно изменит мою жизнь.

В машине темно, радио молчит, за окнами тянут городские огни, скользят по её лицу разноцветными бликами. У девушки светлые глаза, почти прозрачные, она вся светлая, воздушная, и одновременно жёсткая, как гранит. У неё жёсткий взгляд. И думается, просто оставить машину, выставить наружу эту *femme fatale* и из головы выбросить тоже. Моя охрана будет счастлива. Но я этого не делаю. Девушка сумела разбудить моё любопытство.

Тянусь к ней, беру её за руку. Девушка напрягается мгновенно, всем телом, словно думала, что её ночью в машине везут на праздничное чаепитие. Затем делает глубокий вдох и расслабляется. Это тоже все любопытно. Я переворачиваю ладонь, скольжу по ней пальцами.

Алла явно не занималась грубой физической работой, но это не руки изнеженной светской львицы. Рука тонкая, но сильная, я бы заподозрил, что она занимается спортом, либо раньше серьёзно занималась. Сеточка старых, уже поблекших шрамов. Ссадина на внутренней стороне запястья, тонкая, длинная. Алла не делала попыток замазать её косметикой.

– Откуда?

Девушка терпеливо ждала, пока мне надоест изучать её руку.

– Лазила через забор.

Странно, но я поверил, что именно так и есть – через забор. Может даже упала. И кровь наверняка хлестала дай боже. Девушка ждала. Несмотря на внешнее расслабление, внутри, она была натянута, как струна, я чувствовал это. А ещё чувствовал её аромат. Лёгкий запах её тела, который пробивался сквозь завесу аромата духов. Она пахла... мылом. Причём детским. Пахла женщиной. И ещё чем-то неосязаемым и волнующим.

Я хотел её, эту непонятную босую девушку. Выпустил её руку, она безвольно соскользнула и упала на моё бедро, девушка вздрогнула и руку отдернула.

– Ты меня боишься, – заметил я удовлетворённо. Запах её страха я тоже чувствовал. – Зачем тебе это нужно?

Снова взгляд из-под ресниц, быстрый, колкий. Задержала дыхание, потом вздохнула глубже, я поневоле посмотрел на открытое декольте. Мы скоро доедем, нужно решать, что с ней делать за эти несколько оставшихся минут.

– Да, – вдруг сказала Алла. – Я вас боюсь. Ваша охрана меня пугает, ваш взгляд. Но я сильнее, чем кажусь. Я...на многое способна. Вот вы знаете, что такое доедать последнюю картошку, а до зарплаты две недели? Что такое смотреть беспомощно на тех, у кого есть деньги, а ты не то, что близким, даже себе помочь не можешь? Я – знаю. А ещё знаю, что единственное, что у меня есть, это моя красота и молодость. Но я не хочу продавать их по дешевке. Поэтому я нашла лучшего покупателя. Я нашла вас...

Последние слова шепчет. Стремительным и одновременно плавным движением перемещается ко мне. Раздвигает ноги, позволяя короткому платью задраться наверх, на талию. Седлает меня, садится сверху, закидывает руки на плечи.

Макар, мой телохранитель, напрягается всем телом, и я знаю, что он переломит тонкую шею этой девушки при малейшем намеке на угрозу.

А девушка...поразительно храбрая трусишка. Сидит на мне, промежностью наверняка чувствует мою эрекцию через ткань брюк. Её тело немного дрожит, я ощущаю эту дрожь. Губа прикушена, и мне тоже хочется её укусить, съесть её помаду, увидеть, какого цвета её рот на самом деле.

– Я...готова на все.

Чуть склоняется, обжигая своим дыханием мою кожу. Её декольте прямо перед моим лицом, пожалуй, мне нравится то, что я в нем вижу. Её грудь не была неестественно большой и она была натуральной. Я дошёл пожалуй до того уровня, когда натуральность ценится выше дешевого блеска.

Опускаю руки на её бедра. Кожа покрывается мурашками – она озябла. А ещё ей страшно, очень страшно. Скольжу наверх, к ягодицам, по хозяйски обхватываю их, словно взвешивая, примериваясь. И думаю – если бы я вздумал её трахнуть сейчас, на глазах у охраны, она бы и не пикнула, эта странная девушка. Голову бы только запрокинула, а там, в её глазах, чтобы бы плескалось в этот момент? Посмотреть в её глаза, когда трахаю, мне тоже хочется.

– Всё, – говорю я.

Приподнимаю её за попу, снимаю с себя.

– Что все?

Она растеряна. И сейчас боится ещё больше, чем раньше. Боится, что я её не захотел. Я хочу тебя, глупая, думаю с улыбкой. Но я давно предельно себя контролирую. Контролирую ситуацию. Контролирую людей. И трахаться с незнакомой девицей на заднем сиденье автомобиля явно не то, чего я сейчас хочу.

– Приехали, – отвечаю.

Охрана предусмотрительно открыла дверь, я вышел. Сильная эрекция доставляет определённый дискомфорт. Оборачиваюсь, смотрю на девушку. Кудри светлые растрепались, платье попыталась одернуть, но я все равно вижу резинку чулков. Смотрит на меня пылливо, ждёт.

Всё – это не только приехали. За эти последние минуты, что роковая соблазнительница неумело пыталась спровоцировать меня на секс, я принял решение.

– Проверьте её, – бросил не глядя, зная, что меня услышат. – Вытряхните всю подноготную. И прикройте пока, пусть посидит.

Femme fatale смотрела мне вслед ненавидящим взглядом.

Глава 3. Алла

Мои ожидания одновременно и оправдались и нет. Я сразу поняла, что за каждым моим движением следят – правильно думала, что убить его с наскоку невозможно. Сумочку отобрали сразу, как только в машину села. Проверили, небрежно высыпав содержимое. Амбал телохранитель даже в кошелёк заглянул, в совершенно пустой кошелёк.

Потому что я ни капли не лгу – денег у меня нет. Совершенно. Я долго копила, но подготовка к мероприятию сожрала все мои финансы. Теперь я пожалуй и в самом деле стану содержанкой. До первого удобного случая...

Меня закрыли в пустой комнате. Из мебели только кресло и стол, окно зарешечено, в него виднеется тёмный сад. Я сползла прямо на пол, прислонилась головой к стене, глаза закрыла.

Стоило мне только вспомнить его руки на мне, как начало потряхивать. Он...невозможный. Смотрит прямо в глаза, и ни одной его мысли угадать не под силу, словно в маске он. Что под его маской я не знаю, не хочу узнавать. И мне придётся с ним переспать. К горлу тошнота подкатывает, хочется стереть с себя его прикосновения. Но снова шёпотом себе говорю – назад пути нет.

К утру я все же уснула, так и сидя на полу, проигнорировав кресло. Проснулась от щелчка открываемого замка, торопливо поднялась, одернула платье. Идиотское платье, в котором я себя чувствовала голой. От моей бравады не осталось и следа, хотелось сбежать отсюда, черт побери, хотелось свои туфли назад – не знаю, где они.

В комнату вошёл незнакомый мне мужчина, а следом – Багров. Я вся поджалась. Багров выглядел уставшим, его лицо словно гипнотизировало, и мой взгляд то и дело к нему возвращался. О, я не удивлена, что он достиг таких высот. В каждом его движении чувствовалась сила, а во взгляде читалась беспощадность.

Если узнает, то и меня не пощадит.

Багров сел в кресло, за стол. Мужчина позади него, а я осталась стоять, словно специально выставленная на обозрение. От их взглядов мне казалось, словно я у столба позора. Шлюха в коротком платье.

– Как тебя зовут? – спросил Багров.

Я давно решила, что не буду ему врать. Он чувствует ложь. Я буду говорить правду – до известных пределов.

– Я уже говорила вчера, – ответила я. – Алла.

Мужчина за спиной Багрова что-то записывал в тисненый кожей блокнот. Я знаю, что они перевероятно все моё прошлое. Но ничего не найдут.

– Фамилия?

– Любимова, – и не дожидаясь продолжила. – Двадцать шесть лет, рост сто семьдесят один сантиметр, вес пятьдесят килограмм. По гороскопу дева.

Никто не обратил внимания на иронию. Багров задумчиво на меня смотрел, мужчина – записывал. Этого им было мало. Я сказала, где родилась, где училась, почему приехала в этот город, почему пришла в бар. Я ответила на все вопросы с маниакальной терпеливостью. Но следующая просьба застала меня врасплох.

– Раздевайся, – спокойно сказал Багров.

Я оглянулась, словно ища помощи. Вчера я была пьяна собственной смелостью, но сейчас от неё осталась лишь одна усталость. Багров смотрел на меня своим тяжёлым взглядом и молча ждал. И я поняла, что он просто меня проверяет.

Закрыла глаза. Буду думать о том, как я его убью. Как тёплыми толчками выплескивается кровь, как медленно уходит жизнь из высокомерных глаз этого хозяина жизни.

Молния платья находится сзади, но никто и не думает мне помочь. Я изгибаюсь и расстегиваю, в конце концов, застегнуть то сумела. Платье падает вниз сразу. Я поневоле открываю глаза, смотрю на скомканное платье у моих ног, переступаю через него. На мои ноги в испачканных чулках, по одному уже пошла стрелка. Скатываю, снимаю их.

Лифчика на мне нет, платье было слишком открытое. Смотрю на свою грудь – на каждом полукружии есть по красной полоске от тугого декольте платья. Перед тем, как снять трусы на мгновение замираю. Перевожу взгляд на Багрова. Он ждёт, он беспристрастен. Мужчина за его спиной тоже на меня смотрит, и его мне хочется убить тоже. Я хочу спалить дотла эту чёртову обитель зла, вместе со всеми её обитателями.

Я совершенно обнажена. И да, надеюсь, я в первый и последний раз стою голой и беззащитной перед двумя мужчинами.

– Подойди.

Шагаю. Ближе, ещё ближе. Подхожу вплотную к его креслу. Багров касается вмятин от платья на груди, словно желая их разгладить. Задевает сосок и тот сразу съеживается. Касается пупка. Его рука скользит ниже и я с четкостью вдруг понимаю, что сейчас я, наивная мстительница, целиком в его власти. Опускаю взгляд и вижу бугор натянувшихся на эрегированном члене брюк. Сглатываю, в горле пересыхает. Когда он будет меня трахать, я буду представлять его агонизирующим.

– Повернись спиной.

Утро ранее, ещё прохладно. Моя кожа вся мурашками покрылась. Больше всего на свете я боюсь того, что мне с ним спать придётся, и одновременно того, что я ему не понравлюсь. Потому что я первый раз к нему так близко и пасовать глупо.

А ещё подспудно мне хочется, чтобы он трахнул меня прямо сейчас. Просто для того, чтобы этот мучительный осмотр закончился. Ничего более унижительного со мной не происходило.

Он тихонько нажимает на мою спину, вынуждая наклониться. Я наклоняюсь, и на моих глазах слезы, хотя я бог весть сколько не плакала. А Багров не касается меня, он просто смотрит. Приценивается к товару, решая, стоит ли брать.

– Если я захочу уйти, – спрашиваю я, стоя голой, наклонившись, рассматривая узор паркета на полу. – Вы меня отпустите?

Нет, я не отступлю, пусть соблазн и велик. Я пройду по этому пути до конца. Но может, если я буду знать, то станет легче.

– Девочка, – устало говорит Багров. – Иди. Платье только надень, моя охрана далеко не так сдержанна, как я сейчас. Дверь там.

Позволяет мне выпрямиться. Я конечно, никуда не уйду. На меня больше не смотрят, поэтому поднимаю платье, натягиваю, застегнуть молнию до конца не удалось, и ткань на груди приходится придерживать.

– Так не хочется есть последнюю картошку? – участливо спрашивает Багров, припоминая мне ночной разговор. – Мне конечно очень тебя жалко. Честно, я всю ночь рыдал. Но, тем не менее, должен сообщить. Если планируешь остаться, мордочку сделай повеселее, страдающие девственницы это не мой типаж.

Я подняла взгляд, ему прямо в глаза посмотрела. И улыбнулась. Если нужно – я буду улыбаться. Багров кивнул, ушёл в сопровождении своей охраны.

А мои мучения на этом не закончились. Меня отвели... к врачу. К гинекологу. Полностью осмотрели, взяли анализы на болезни. Но лежать на гинекологическом кресле с раздвинутыми ногами далеко не так унижительно, как стоять голой перед Багровым. Это я переживу.

– Анализы у вас хорошие, – сообщили уже через два часа. – Вы ничем не больны. Если вы останетесь, вам придётся пройти ещё через одну процедуру. Согласны?

Я киваю. Вместо платья мне давно уже выдали халат. Ещё – тапочки. Только надев их, поняла, насколько озябли мои ноги. Врач достаёт шприц, с хрустом рвёт упаковку, готовит раствор для инъекции.

– Что это? – спрашиваю я.

Потому что мне страшно, несмотря на то, что я пришла по доброй воле. Я бы хотела взять и отмотать свою жизнь на семь с половиной лет назад. Обратно в счастье. И изменить все. Тогда бы я никогда не попала в этот дом. Но я здесь.

– Контрацепция, – объясняют мне. – Предельно безопасное и эффективное лекарство. Один укол в месяц. Таблеткам Багров не доверяет, так проще.

Так я понимаю, что никаких презервативов не будет. Снова тошнота подкатывает горьким комом, но я беру себя в руки. Послушно выдерживаю достаточно болезненный укол. Надо видеть плюсы – меньше всего я хотела бы, чтобы во мне рос ребёнок монстра. А сперма... буду думать о том, что он умрёт.

– Всё, – отпускают меня. – Можете идти.

– Куда?

– Например, привести себя в порядок.

Этот человек не может позволить себе осуждение. Ему платят за то, что он осматривает шлюх, как бы это его не бесило. Наверное, хорошо платят. Но осуждение скользит в каждом его слове.

Меня сопровождает охранник. Мы идём по бесконечным анфиладам широких коридоров, затем останавливаемся перед одной из дверей. Вхожу. Похоже, это выделенная мне комната. Красивая, но безликая, никто не вложил в её оформление души. На столе поднос с обедом. Я не ела уже давно, но сейчас еда не полезет в горло.

Подхожу к окну. За шторами прячется дверь – выход на террасу. Она, сделанная из красивого, чуть сероватого дерева, уходит вдаль, а затем обрывается у бассейна. Шагаю, чувствую, как прогрелось солнцем дерево под моими ногами.

Иду к бассейну. Его широкими гребками переплывает Багров. Смотрю на его спину, которая при каждом движении показывается из воды. Сильная. Смугловатая кожа. Под лопаткой шрам. Так близко к сердцу, что я поневоле чувствую сожаление – если бы убийца был более удачлив, моя жизнь сложилась бы иначе.

Багров доплывает до конца бассейна, отталкивается от края, плывёт обратно. Выходит из воды, я смотрю, как по телу, которое мне скоро придётся любить, каплями стекает вода. Оно красиво, его тело. Такое сильное. Но даже самые сильные люди смертны.

– Вы даже не спросили, сколько вам заплатят, – Багров снова мне смотрит прямо в глаза, и я стараюсь выдержать его взгляд.

– Надеюсь, достаточно, – отвечаю я.

И правда. Мне не нужны все деньги мира, лишь одна, отобранная моими руками жизнь.

Глава 4. Багров

– Говоришь, ничего? – лениво протянул я.

Кофе уже остыл, но я движением остановил порыв принести новый. Не хотел спугнуть ощущение...застывшести. Весь мир словно замер, выжидая, даже воздух стал тягучим и вязким, как перед грозой. И я с любопытством замер, прислушиваясь.

– Всё, как сказала. Двадцать шесть лет, из маленького городка. К нам приехала поступать в университет, жила в общежитии. Воспитывалась матерью, но та умерла. Никого из родных больше нет. Квартирку, которую получила по наследству, продала. Иной недвижимости не имеет. Гол, как сокол, это про неё.

А я вспомнил, какова она голой. В глазах страх, и ещё что-то неразличимое, но очень вкусное. То, что хотелось смаковать, растягивая удовольствие. Небольшая, высокая грудь с розовыми сосками. Плоский, не перекаченный живот. Аккуратный треугольник светлых волос на лобке. Она была очень женственной и знала это.

– Мужчины? – спросил я.

Ревности не было, я давно уже перерос такие примитивные чувства. Только любопытство, его не унять. Наверное, когда я перестану быть любопытным, можно заказывать гроб – жить дальше будет не интересно.

– Ничего не нашли. Она чиста.

Я сидел на балконе второго этажа. В небе не то, что тучи – просто непонятная серая хрень, которая словно соткана из потяжелевшего воздуха. Алла в саду, я вижу её, наверное, она прекрасно знает, что я наблюдаю.

Позади раздались шаги – я недовольно поморщился, хотя сам отмахнувшись дал охране пропустить. Марк мой партнёр, и мы знаем друг друга уже много лет, но порой он меня утомляет – его слишком много.

– Новая игрушка? – кивнул он на женскую фигурку в саду. – Блин, кофе принесите. Нет, лучше коньяк.

Кресло протяжно застонало, под его весом. И сразу суета, которая разогнала то самое ощущение неподвижности, что мне сохранить хотелось.

– Ещё не знаю, – ответил я глядя на Аллу. – Не решил.

Я лукавил немного – знал, что уже на крючке. И если девушка здесь, то пути назад нет.

– А чего тянешь? – Марк прищурился, разглядывая девушку. На ней лёгкое струящееся платье, на лице ни грамма косметики. И странным образом лицо без косметики не стало мягче. Оно словно соткано из острых углов, несмотря на плавный изгиб мягких губ. – Конечно, не в моем вкусе, но что-то в ней есть. Отдай мне, а?

Я поморщился – мне кажется, просить что-то настолько личное это верх бестактности. Я не любил отдавать свои игрушки, по крайней мере, пока они самому мне не надоели.

– Нет, – коротко ответил я.

Я надеялся, что к этому вопросу мы больше не вернёмся, но Марк не таков.

– А че тогда сам тянешь? Ни себе, ни людям.

– У неё двойное дно, – сформулировал я мучивший меня вопрос. – Эта девочка не так проста.

Марк фыркнул и залпом выпил виски. Я сдержал раздражение – находиться с этим человеком становилось откровенно не комфортно. Он был из тех, кого власть и деньги словно тормят в развитии. Не рос, скорее деградировал, пользуясь всеми возможностями своего положения. Но все же я его ценил – в вопросах бизнеса его ум был остер, а хватка – бульдожьей.

– У тебя паранойя, – покачал головой Марк. – Она началась после смерти Старовойтовых. Да, мне очень жаль, что их убили. Но они умерли, все, их нет больше. А ты гонишь из-за херни.

Я дал одному из своих людей знак, и он понял его мгновенно. Спустился вниз, сказал что-то Алле – откуда не слышно. Она бросила цепкий взгляд на меня, внимательно посмотрела на Марка. Во мне вспыхнуло глухое раздражение – Марк был смазлив и бабам нравился, летели, как мухи...на дерьмо. И провоцировать боевого товарища я не хотел. Кивнул коротко, Аллу увели в дом.

– Девочка, – напомнил я. – Старовойтовых нет, а девочка осталась.

Но Марк снова только фыркнул.

– Семь лет прошло. То ли была девочка, то ли нет. Не докажешь. Да и давно бы явилась уже, на кону большие деньги.

– Если есть мозги, не явилась бы. Она же знает, что случилось. Все знали.

Убийство семилетней давности было громким. Ещё бы – один из самых богатых людей города убит вместе со своей семьёй. Не пощадили жену, маленьких детей. Убили даже кухарку. Да что там – собаку даже. Я тогда, глядя на истерзанные детские тела понял – детей у меня не будет. Дети слишком хрупки и зависимы, чтобы их себе позволить. Это отличный источник давления. А давить я сам люблю...

– Ты веришь в то, что у баб могут быть мозги? – рассмеялся Марк. – Ты того...оптимист.

Аллу уже увели. Вот у неё головушка точно не пустая. Знать бы ещё только, какие мысли в ней прячутся.

– Тебе пора, – сказал я. – Тебя проводят.

Поднялся, ушёл не прощаясь. Так Марк свалит скорее – очень обидчив и к своей персоне относится трепетно. Хотя охрана у меня вышколена, его бы и так вывели, даже если за шкуру.

А я...я пошёл к ней. Она не знала, что я никогда своих любовниц не держал у себя дома. Вот Марк знал, поэтому и пристал так. Я покупал квартиру, благо это недорогое удовольствие. Если девушка сполна отработывала все, то квартира оставалась ей. Эту же хотелось держать при себе. Изучать. Наблюдать. Трахать ещё хотелось, да, что вполне естественно, учитывая её привлекательность. Но...она, черт побери, будила моё любопытство.

Вошёл. Она сидела в кресле у широкого панорамного окна в сад. На коленях книга, которую она не читает. Кольнул интерес – какие книги она любит, моя непонятная Любимова Алла?

– Что мне делать с тобой? – спросил я, прислонившись к дверному косяку.

– Не знаю, – пожалала она плечами. – Что вы обычно со своими игрушками делаете? Можете играть в меня на здоровье, я же...сама пришла. Главное, не сломайте.

И посмотрела колким взглядом из-под пушистых светлых ресниц. Она вся была светлой, эта девушка. И губы сейчас, без помады бледно-розового цвета. Нежные. Пожалуй, так она мне нравится больше.

– Игрушки всегда ломаются, – с сожалением ответил я. – А ещё быстрее надоедают.

У её плеча маленькая метка, след от инъекции. Значит, мои ребята уже провели все стандартные процедуры и девочка, как минимум, здорова. Укол необходим – я не хочу детей, а секс в презервативе не люблю. Таблетки слишком ненадёжны, одна из моих любовниц специально перестала их принимать, в надежде забеременеть от меня обеспечив этим свое будущее.

Мне интересно, какова она на вкус. Чуть приподнимаю её за подбородок, вынуждая смотреть на меня. Целую. Она замирает, потом послушно открывает рот. Я делаю ещё один вывод – целоваться она ни хрена не умеет, девушка, которая пришла дороже продать свое дело. Но зато...она вкусная.

– Не умеешь целоваться, – говорю я, отрываясь от неё.

Разглядываю её лицо близко. Глаза закрыты, на носу несколько светлых веснушек, на виске, у самой границы роста волос родинка. Она неожиданно тёмная и поэтому заметна.

– А вы научите, – дерзко отвечает она и глаза открывает. – Я послушная и примерная ученица.

Я с сожалением качаю головой. Я все ещё не знаю, что с ней делать. Разве только использовать по прямому назначению, а потом выбросить наружу, словно отработанный мусор. Если бы ещё она не зацепила меня так, эта *femme fatale*.

– Знаешь, сколько послушных девочек мечтает оказаться на твоём месте? – хмыкаю я. – И все они гораздо более умелы, чем ты. А многие и красивее.

Белая кожа розовеет неровными пятнами – я сумел её задеть, ей свойственно честолюбие.

– Но все же здесь именно я, – замечает она.

Я улыбаюсь – она права, эта чертовка. Но если я и правда хочу найти, что прячется за светлыми глазами и двойным дном, нужно идти дальше. И при мысли о том, что я пойду дальше, становится сладко. Моё ожидание такое же вкусное, как сама эта девушка.

– Сегодня, – говорю я. – Сегодня вечером. И не забудь, мордочка должна быть повеселее.

Глава 5. Алла

Станным образом, я даже не волновалась. Перед встречей – да. Теперь нет. Я была спокойна и уравновешена, понимала только одно – секс со мной ему должен понравиться. Я точно знаю, что с первой попытки убить его не получится. Он должен потерять бдительность.

Тогда...порядком лет назад я не была такой осторожной. Я всегда знала в детстве, что папа у меня есть. Мама этого факта не скрывала, не притворялась, что он лётчик испытатель или капитан дальнего плавания. Просто сказала, что жизнь так сложилась, и вместе они быть не смогли. Но папа – не плохой.

И я верила маме, зачем ей меня обманывать? Она единственный мой родной человек, не считая того самого таинственного папы. А потом мамы не стало. Удар был жесток, но он воспринимался иначе – маму у меня отобрала сама жизнь. Злой рок в виде болезни, поначалу безобидной, а затем...

С папой все было иначе.

В родном городе меня ничего не держало. Я продала мамину квартиру и уехала, поступила в университет, в этом самом городе. Папа появился внезапно. Просто вечером остановилась машина и дверь приоткрылась.

– Садись, – сказал мужчина изнутри. – Дочка.

И я поверила сразу. У него глаза были...теплые. Он показывал мне наши фотографии – раньше мне казалось, что мы не виделись вообще, но когда я была маленькой, он приезжал. И да, он всю жизнь нас содержал.

И так я окунулась в их маленькую семью. Забирал меня папа сам. Его жена мне тоже сразу понравилась. Она умела создавать уют. Вокруг неё царила любовь. Она меня покорила, ревности никакой не было ни к ней, ни к их детям. Я – наслаждалась тем, что у меня снова есть семья, такая шумная и суетливая.

Напрягал меня только один момент – афишировать свое родство было нельзя.

– Так надо, – говорил он устало по вечерам. – Очень сложное время. Слишком все... запутанно. Надеюсь, скоро изменится все.

Всё изменилось. И так радикально, как не ожидал никто.

– Я их увезу, – сказал папа одним из вечеров. – Мелких, жену. Тебя тоже, не спорь, институт твой никуда не денется.

Не увёз. Не успел. Всё случилось слишком стремительно. Тоже лето было, конец августа. Вечер такой душный, что не верится в скорую осень. Воздух наэлектризован. Я сидела словно на иголках, но винила в том первую свою нечаянную любовь. Парень мне не звонил, я волновалась. Какая дура была, из-за таких мелочей...

Телефон зазвонил внезапно, я подпрыгнула, думая ну вот, звонит, любовь всей моей жизни. Звонил папа.

– Ничего не спрашивай, – торопливо и как-то надрывно сказал он. – Сейчас же уезжай из города, деньги у тебя есть, не собирай вещи просто уезжай.

– Но папа, – смутилась я.

Я думала о том, что парень позвонит, а меня в городе нет. Дура.

– Немедленно! – первый раз за полтора года нашего знакомства папа на меня закричал. И звонок сбросил.

Я перезвонила. А потом снова и снова. А потом... Потом пошла к ним. Ключи у меня были. Жил папа изолированно, не смотря на то, что богат, имел только одного человека в охране. Но дом его был маленькой крепостью. Сейчас крепость стояла нараспашку.

Сейчас я вспоминаю об этом почти отстраненно. Тогда... Я кричала. Я не могла поверить, что маленький островок счастья и любви можно было просто взять и растоптать. Я не верила в

то, что они мертвы, люди, которые стали мне семьёй. Антон и Анютка... Маленькие мои брат и сестра. Я хватала на руки то одного, то другого. Пыталась унести, сделать что-то, спасти, не понимая, что поздно.

Домашний телефон зазвонил внезапно. Дом был тих, в нем царила смерть и звонивший телефон воспринимался как-то иррационально. Я сидела и баюкала на руках маленькое тело своей сестрёнки, не в силах выпустить его из рук.

Я взяла трубку не думая о последствиях, на автомате, отупев от величины свалившегося на меня горя.

– Ты его дочка? – спросил чужой хриплый голос. – Та самая, которую он прятал?

– Да, – равнодушно ответила я.

Мужчина на том конце провода хмыкнул. Помолчал немного.

– Ты же знаешь, что они могут вернуться? Те, кто убил твоих близких. Или нагрянет полиция, а ты там с кучей трупов.

– Ну и что...

Тогда меня действительно ничего не волновало, кроме того, что моя сестрёнка не дышит, никогда уже не будет дышать.

– Мы же не хотим, чтобы тебе сделали больно... Правда? – мужской голос такой вкрадчивый. – Ты знаешь, кто это сделал?

– Багров, – уверенно ответила я.

Я впитывала не только счастье этой семьи. Я впитывала все её тревоги. Я знала, что идёт разделка бизнеса, который приносит очень большие деньги. Знала, что на папу давят. Багров. Именно его он боялся.

Я однажды видела его, он приходил прямо сюда, ничего не боясь и ничего не стыдясь. Высокий, вокруг него аура силы... насилия даже. Он смотрел так, словно все было его. Словно примеривался к чужому счастью, решая, как лучше его обнять.

– Не выходи, – велела мне шёпотом папина жена. – Всё очень напряжённо. Твой отец не хочет, чтобы о тебе знали.

Но я посмотрела тихонько, одним глазом, со второго этажа. А сейчас все вспоминала. Складывала факты, воспоминания, папины тревоги. И ещё этот незнакомец...

– Умница, – одобрил он. – Хорошая девочка. А я не люблю, когда хороших девочек убивают. Быстро беги оттуда, камеры там уже давно не работают, но следы твои... я их затру. Хотя нет, лучше не беги. Подожди меня на пересечении улиц Ленина и Завойской. Стой у самого здания, не бросайся в глаза. Через полчаса я тебя заберу.

Лишь тогда я опомнилась и бросила трубку. Теперь я не хотела умирать. Я хотела жить. Хотела... мстить. Отнять у Багрова то, что дорого ему больше всего. Убить ребёнка я бы никогда не смогла. Но я могу убить самого Багрова.

Я уничтожила свои следы сама. Как сумела. Быстро, торопливо, ходя мимо тел тех, кого так любила. Они все были в одной комнате, значит, и наследила я не сильно.

– Я за вас отомщу, – обещала я уходя.

Ночь была непроглядной, только фонари светили редкими маяками. Я добежала до нужного угла. Спряталась на крыше ларька и затаилась.

Машина приехала вовремя. Тихая, хищная. Мужчина, лица которого я не видела, ждал меня десять минут. Я очень хотела знать, кто это, ведь он явно тоже во всем этом замешан – об убийствах не знает даже полиция, но незнакомец так и не вышел из машины, поехал в сторону дома отца.

Я лежала на крыше ещё полчаса, затем только ушла. С тех пор начался мой путь длиной в семь лет, сегодня он приведёт меня в постель Багрова.

В шкафу, в моей новой безликой комнате вещи. Собственно, шкафом бы это язык не повернулся назвать – гардероб, который больше комнаты в снимаемой мной однушке. И здесь

уже висят аккуратными рядами платья на плечиках. Блузы и брюки, женственные, никаких горячо мной любимых джинс. Нижнее белье. Туфли. Все это – моего размера. Не зря меня подвергали столь тщательному осмотру.

Я выбираю красное платье. Никакой косметики, просто потому, что мне так хочется. Изысканное белье. Смотрю на свое отражение, я не то, чтобы им довольна. Я принимаю себя такой, какая я есть, жизнь сдула с меня все лишнее ещё семь лет назад. Тщеславность, самолюбие, амбициозность. Осталось только желание мести.

А ещё – узнать, кто же ждал меня той ночью, в автомобиле на тёмной дороге.

Тогда, семь лет назад у меня даже не было сил бежать. В моей комнате, в общежитии я была одна – все уехали на каникулы и ещё не вернулись. Я упала в кровать и просто ждала, что сейчас за мной придут. Ждала чужих шагов с тупым равнодушием. Мне казалось, что меня непременно убьют, если даже Анютку с Антоном не пощадили...

Меня не нашли. Отец с маниакальным упорством скрывал моё наличие, он уничтожил все, что могло бы ко мне привести. И тогда я поняла, если буду жить, то так, чтобы не зря.

Универ я нещадно прогуливала. А потом подумала – что сказали бы мои папа и мама? Да и потом, чтобы добраться до Багрова, которого охраняли пуше президента, мне нужно быть упорной.

Я окончила вуз. Я владею айкидо. Три языка. Я планировала множество различных ходов – ни один из них не смог привести меня к Багрову. Остался один – постель. И похоже, теперь мне наконец повезло.

Потому что я точно знала, что это он. Тогда отец был насторожен именно потому, что раздел бизнеса проходил очень тяжело. И кому, вы думаете, досталась доля отца и все его активы? Багрову. Этому монстру в обликии равнодушного робота.

Дверь открылась бесшумно. Меня не держали взаперти, но глаза мозолят лишний раз не хотелось. Я изучила лишь огромный сад и малую долю первого этажа. Я умею быть терпеливой.

– Пошли, – сказал мне один из людей Багрова.

Высокий, под два метра, а то и больше, жилистый и крепкий, он мог бы убить меня одним движением, стоит лишь только приказать. Машина для убийства. Кто знает, возможно, это именно он, той ночью, семь лет назад убивал моих родных.

– Я готова.

Бросила взгляд на зеркало, потом одернула себя. Багров видел меня всякой, со всех ракурсов, и наводит на себя излишний блеск – пустая трата времени.

Мы шагаем по коридорам, полы которых облицованы мрамором. Мои каблуки выбивают звонкую, размеренную дробь. Громила позади меня шагает беззвучно.

– Во время секса вы тоже будете рядом стоять? – допускаю немного иронии в голосе. – Со свечой?

– Если прикажут.

Его голос спокоен, мне бы его спокойствие – как бы я не храбрилась, я понимала, что с каждым шагом я все ближе к тому, которого ненавижу всеми фибрами своей души. Содрогнулась, представив, через что мне придётся пройти, но взяла себя в руки.

Мордочку повеселее? Будет сделано. Я буду улыбаться и я улыбаюсь.

– Можешь идти, – кивает Багров, отпуская охранника.

Мне становится немного легче – все же, заниматься сексом на глазах у постороннего человека, да и любого человека вообще это испытание. И позор, да, мама меня воспитывала правильно. Но сейчас я буду позориться сознательно, падая на самое дно, потому, что моя мама не знала, какой поганой бывает жизнь.

Играет джаз, поёт Билли Холидей – я изучила все интересы Багрова, о которых знала. Я стояла и пыталась не трястись от осознания того, что будет, Багров, обнажённый по пояс, словно не замечает моего присутствия, в одной его руке бокал, слушает песню.

Я смотрю на него, не могу не смотреть. Мне интересно в этом человеке все. Шрам, что так близко от сердца. Сильное тело – наверняка он занимается спортом. Следит за собой... Он может убить меня без помощи своих убийц, чётко понимаю я. Он слишком силен, я слишком слаба. Нужно будет напоить его, но я знаю, что он никогда не пьёт много. Значит... значит мне придётся убить его во сне.

Мои мысли так страшны, вечер так иррационален, Билли Холидей – спокойна. Её уверенный голос неторопливо, не спеша и пробирая до мурашек, поёт о лучшем мужчине в жизни.

Может, я встречу его в воскресенье,

Может, в понедельник, а может, и нет.

Но всё же я верю, что встречу его однажды

Может быть, вторник принесёт хорошие новости?

Он построит небольшой домик –

Только для нас двоих –

Из которого я никогда не уйду.

Да и кто бы ушёл? Вы бы ушли?

Итак, больше всего в жизни

Я жду своего любимого.

Английским я владею играючи и последние строки повторяю про себя шёпотом. Своего главного мужчину я уже встретила. И да, я никуда не уйду. Он смотрит на меня, улыбается своей фирменной полуулыбкой – словно он улыбнулся бы, но ему лень тратить на меня свои силы. Манит меня к себе пальцем. Билли Холидей поёт о том, чего не бывает. Я иду.

Глава 6. Багров

Её губы шевелились, повторяя слова песни. Пожалуй, мне импонировало то, что девочка знает Билли Холидей наизусть. Большинству моих знакомых джаз интересен не очень.

Лицо у неё такое задумчивое, отрешенное, словно она впала в транс. Можно было напомнить ей о правиле весёлой мордочки, но я не стал. Хотелось самому её за шкуру из этого состояния достать. Хотелось сделать ей больно, просто чтобы посмотреть, как загорятся её глаза. Ненавистью? Возможно.

– Иди сюда, – позвал я.

Сел в кресло, чуть развёл ноги. Отпил из бокала, но лёд уже таял, поэтому я отставил его в сторону. Алла послушно шагнула ко мне, едва не запнувшись на высоких каблуках.

Я специально распорядился, чтобы вещи ей доставили самые разные. От откровенной аляповатой безвкусицы, до излишне вызывающих и ничего не прикрывающих тряпок. Мне было интересно, что она выберет. Алла надела красное платье, изысканное, но почти глухое и закрытое. И сидит оно на ней органично, словно эту нищую девочку из Мухосранска учили носить дорогие вещи.

– Что я должна сделать? – тихо спросила она.

– Мне тебя учить? – хмыкнул я. – Это ты пришла себя продавать.

Алла опустилась передо мной на колени, аккуратно между моих разведенных ног. Склонилась, но светлые кудри упали ей на лицо, она заправила их за уши. Станным образом этот жест казался безумно трогательным.

Ремень мне расстегивает и руки немного дрожат. Она – робот, и этим напоминает меня. Бойтся, но все равно вперед идёт глаза зажмурив. Расстегивает мою ширинку и чуть приспускает брюки вниз, мне приходится приподняться, чтобы ей помочь.

Член эрегирован. Я переживаю мучительную эрекцию каждый раз, как вспоминаю о её незащитной наготы. У меня было множество игрушек, но что-то подсказывает – эта будет особенной. И принесёт мне хренову тучу проблем, но отказаться от неё я не могу. Просто не хочу, не сейчас.

Особенно теперь, когда она выпустила мой член наружу и обхватила его руками. Я чувствую, как он пульсирует в её руках, наполняясь силой. Мне хочется просто повалить девушку на пол, поставить на четвереньки и трахнуть, делая ей больно. Желание сильно, но я жду. Мне – интересно.

Алла переводит дыхание. Затем ерзает, устраиваясь поближе. А потом...вытаскивает розовый язык и легонько касается им головки члена. У меня перехватывает дыхание. Член погружается в её тёплый рот, я смотрю, как ритмично двигается её светловолосая голова, и думаю о том...что более неумелого минета у меня ещё не было. И тем не менее, каждое прикосновение языка и губ пьянит и бросает в жар. Я чуть нажал на её голову, вынуждая взять член глубже и Алла с трудом сдержала рвотный позыв. И желание сделать ей больно разгорается с новой силой.

– Чистая девочка? – улыбаюсь я. – Чистые девочки сидят дома...

Толкаю её назад, она беспомощно опрокидывается на спину. Делает попытку перевернуться, встать на четвереньки, но я не позволяю. Я хочу, чтобы она лежала передо мной, хочу видеть её глаза и она покоряется. Ноги чуть разведены, каблуки туфель вязнут в ворсе ковра. Я понимаю, за что хочу наказать её болью. За то, что она имеет право считать себя выше меня – это читается в каждом её взгляде. За то, что излишне самоуверенна. И наконец за то, что к ней так много секретов, это какой-то ящик пандоры. И я готов к тому, что откроется. Я любопытен.

Задираю её платье до талии, но это меня не удовлетворяет – я хочу видеть её грудь, мне нравится её грудь. Она понимает моё желание, приподнимается на локтях, дёргает вниз застежку платья.

Теперь все платье собрано небрежными складками на талии. Я склоняюсь над девушкой. Облизываю её сосок, он послушно скукоживается в скользкую от моей слюны горошинку. Втягиваю плоть в рот, сколько могу, кусаю, заставляя дернуться, оставляя следы своих зубов. Затем целую её в губы и мой поцелуй болезненен, я проникаю в её рот так глубоко, как могу, сминая губы, кусаю их.

– Открой глаза, – велю я.

Я хочу знать, что в её глазах. Они – светлые. В них туман, который скрывает все её чувства, похоть ли это или возбуждение. Одно я точно знаю – она меня не хочет. Но послушно лежит подо мной сломанной игрушкой и это бесит.

Я предпочитаю сильных женщин, способных выдержать мой напор. Возиться с юными прелестницами и прочими девственницами мне лень. Я не уговариваю, я трахаю, сколько хочу и как захочу. И да, мордочка должна быть веселенькой. А сейчас я просто теряюсь, не зная, что от этой девушки ждать.

Дёргаю её к себе, придерживая за бедра. Склоняюсь. Небрежно стягиваю с неё трусы, провожу ладонью по её промежности. Она сухая.

– Зачем ты сюда пришла? – снова спрашиваю я.

– Мне просто нужны деньги, – говорит она глядя в потолок. – Трахайте меня уже, я буду послушной игрушкой.

Я врываюсь в её тугое нутро одним мощным толчком. Она очень узкая, а в момент проникновения ещё и сжалась, так что мне почти больно. И я не понимаю сразу произошедшего, только то, что стало очень мокро. Влажно. Я устраиваюсь поудобнее, стараясь проникнуть настолько глубоко, насколько это возможно, растягиваю её своим членом. А потом смотрю на её глаза. Они открыты, как я приказал. Из уголка глаза скатилась слеза, впиталась в волосы, оставив влажную соленую дорожку. Касаюсь её клитора, заставляя её вздрогнуть, скольжу по половым губам, сомкнутым на моем члене. Собираю влагу пальцами, хотя блять уже догадался, что мокрой она стала отнюдь не от того, что внезапно меня возжелала.

Это кровь. Кровь, блядь.

Закрываю глаза. Странно, но я чувствую себя обманутым. Словно меня обвели вокруг пальца.

– Ты девственница, – констатирую я факт. – Правда, уже бывшая.

– Это отражено в карточке, которую на меня завёл ваш гинеколог, – спокойно отвечает она.

Я туда не заглядывал. Мне было достаточно того, что она здорова. Она была красивой, я её хотел. Но сейчас... Злость бурлит внутри меня, грозя вырваться наружу. Я знал себя в такие моменты, я становился неуправляемым и сам себя пугал.

Она интересовала меня, эта девушка. Но я с упоением ковырялся в её прошлом, не особо интересуясь настоящим. По свидетельствам подруг из университета, у неё точно был богатый парень, которого она скрывала. Дорогие подарки, деньги, которые она особо не считала. Тогда, какого блядь, хрена, она девственница?

Я хочу выбросить её вон сейчас же. Пусть катится прочь вместе со своими тайнами, размазывая кровь по голым ляжкам. Стискиваю её обнажённую ягодицу так, что завтра она расцветет синим. Да, я так и сделаю. Сейчас же. Но я все ещё остаюсь в ней, правда не совершая ни одного движения, чувствую, как она пульсирует, обволакивая меня тугим теплом. И да, ей наверняка больно, чуть морщится, немного шевелится, пытаюсь найти более удобную позу.

И слегка сжимает мой член влагищем. А мне... так сладко вдруг становится, как давно уже не было. Закидываю её ноги себе на спину. Тараню её раз за разом, даже не думая о том,

какое у неё выражение лица. Слушаю её судорожные всхлипы, слизываю её слезы. Я не просто её трахаю, я проваливаюсь в её чёртовы глубины, тёмные, как самая безлунная ночь.

Глава 7. Алла

Ворс ковра под моей спиной немного колется. Я вся сосредоточена на том, что испытываю. Кровь бурлит и бьётся внутри меня. Глаза зудят от непролитых слез. А там... Внутри меня, в самом моем сокровенном месте горит огнём. Это даже не боль, нет, может потом станет болью. Пока это чёртов огонь, который выжигает меня изнутри.

Но я рада тому, что это закончилось. Мне казалось, что половой акт длится целую вечность, и меня словно не членом пронзали, а кинжалом, и с каждым движением все глубже.

Отстраненно вдруг вспоминаю Таньку. Подружку, с которой вместе жила в общежитии. Сначала мы были не разлей вода, а потом... потом во мне просто не осталось сил на дружбу. Так вот, она говорила – чем позже лишишься девственности, тем будет больнее. И видимо, руководствуясь этим, распрощалась с тем, что в книжках о любви берегут для одного единственного, ещё на первом курсе.

И сейчас я, истерзанная и уничтоженная вдруг подумала – наверное, Танька права была. И надо было тоже, не думая, на первом же курсе с первым же симпатичным мальчиком. Только... потом уже ничего не хотелось, а парни ровесники такими глупыми казались.

Перед тем, как решиться лечь в постель Багрова я планировала избавиться от своей девственности. Наверное, это было бы несложно, в барах много симпатичных мужчин... Но потом подумала о том, что моя девственность тоже может быть фактором внезапности. Мне нужно посадить Багрова на крючок, а он чертовски любит головоломки. И я уверена – он уже почти в моей власти. Его любопытство сведёт его в могилу.

– Чему ты смеёшься? – в голосе Багрова неподдельное удивление.

Я даже не заметила того, что смеялась.

– Просто вспомнила... Нечто смешное.

Право слово, не рассказывать же ему про Таньку и её гипотезы. Багров лежал рядом, на этом же ковре. Стопроцентная, а потому очень колкая шерсть. Приподнялся на локтях, рассматривая меня. Я подавила порыв прикрыться – явно поздно пить Боржоми.

– Забавно, – констатировал он.

Я села на ковре, подтянув колени к подбородку, спрятавшись "в домике". И попыталась осознать – вот он. Так близко, как никогда. Как мечталось раньше долгими ночами. Кто-то в свои девятнадцать мечтал о любви, а я о том, как буду убивать Багрова.

– Можно? – спросила я, протянув руку.

Багров кивнул, вновь расслабленно вытянувшись на спине, во весь свой немалый рост. Сначала я коснулась его щеки – небритая. Поэтому у меня горят и губы, и щеки. Скользнула по шее, по сладко бьющейся жилке. Тонко пульсируя по его венам, переливалась жизнь, это пьянило. Затем положила руку ему на грудь. Там, под кожей, под клеткой рёбер билось неутомное сердце. Ритм был немного сбит, наверное, потому, что он только что занимался сексом. Но сильное сердце сильного мужчины билось уверенно.

– Чего смотришь?

– Вы не красивы, – ответила я. – Но это не играет никакой роли, не правда ли?

Я лукавила. Он не то, чтобы был не красивым. Скорее – неправильным. Слишком резкое лицо, слишком грубое. Слишком сильные руки. Слишком много власти в одном человеке. Слишком много ненависти в одной мне.

Взять бы сейчас и спросить – зачем вы их убили? Если бы только отцу дали шанс, он бы сам все отдал, выменивая на жизни близких. Но шанса ему не дали.

– Ты будешь красивой за нас обоих.

Поднялся. Я сижу на полу, смотрю на него снизу вверх. Высокий, сильный, а главное – уверенный в себе. Хозяин жизни. На паху, на бёдрах подсыхающие пятна моей крови. Член,

даже сейчас, в расслабленном состоянии кажется большим, и своей наготы Багров несколько не стыдится.

Наливает виски, немного, буквально на два пальца. Звякают падая в бокал кубики льда. Делает глоток. Все это время я смотрю в его спину и думаю о том, прогонит ли он меня. Откуда я могу знать, как скоро он в меня наиграется? Вдруг шанса больше не будет? Я хочу остаться здесь, рядом. Смотреть, как он засыпает. Как размеренно и спокойно поднимается его грудь, как чуть подрагивают тёмные ресницы. Прислушиваться к его дыханию.

А потом... потом я возьму нож. Мы находимся не в спальне, скорее это маленькая гостиная. Ножей тут в изобилии, самых разных, наверное, коллекция. Я возьму тот, что с резной костяной рукоятью – она отполирована чужими прикосновениями, наверное, этот нож ему нравится. Я специально изучала анатомию человека, я чётко знаю, где прячется его сердце. Но все же, боюсь не попасть с первой попытки, а второй мне никто не даст. Если я просто его раню, его могут спасти. Значит, нужно будет перерезать ему горло. Одним движением.

Умрёт он быстро, но не сразу. Я успею ему сказать, зачем я его убила. Мне кажется, сказать будет правильно...

– Иди, – говорит Багров, кивая мне на дверь. – Для второго раза этой ночью, боюсь, ты уже не годишься. И оденься нормально, ноги оботри...

Он рассматривал меня голую при своих людях. А теперь не хочет, чтобы кто-то видел меня полуобнаженной. Чтобы кто-то видел кровь на моих бёдрах. Значит ли это, что он уже считает меня своей? Что позовёт следующей ночью, и следующей... Пока не расслабится настолько, что уснёт рядом со мной.

Я вхожу в его личную ванную. Она роскошна и одновременно аскетична – ничего лишнего. Комната такая большая, что мне кажется, я слышу эхо своих шагов. Я стираю с себя свою кровь, она стекает по ногам розоватыми разводами, стираю его семя. Кровь пахнет мокрой медью. Сперма... пахнет терпко и вместе с тем едва заметно, я не могу проанализировать её запах. Моя первая сперма, вдруг думая с толикой иронии, смывая с себя уже подсыхающее семя.

Он не прощается. Я возвращаюсь к себе в сопровождении того же мужчины, и каждый мой шаг отдаётся болью в промежности. Закрываю дверь, к сожалению, она не запирается. Не знаю, есть ли здесь камеры. Мне остро нужно побыть одной. Захожу в огромный гардероб, забиваюсь в одну из ниш, прячусь за рядами дорогих платьев. И реву. В первый раз за столько лет я по настоящему плачу, хотя думала, что давно разучилась это делать. Сдергиваю одно из платьев, вытираю слезы элитным, скользким шелком, сморкаюсь в него. И плачу, горько, словно навзрыд.

Я знаю, чего сейчас хочу. Выйти из дома, возможно, меня даже держать не будут, но я не хочу, чтобы за мной проследили. Поймать попутку, доехать до центра города. Остановить машину подальше и идти до цели пешком.

Ключ я прячу тут же. Не знаю почему, но этот дом так и не продали. Непонятно кому он теперь достался, кому принадлежит. Возможно, никто не хочет жить в доме, в которой убили целую семью, обслугу, даже собаку, хотя та если только зализать могла до смерти. Замок новый хозяин так и не поменял, и ключи выданные мне папой, подходят.

Я бы надвинула капюшон на самое лицо и шагнула в темноту дома, в котором когда-то царилло счастье. Я никогда не включаю света, не знаю, работает ли он.

Но телефон работает. Иногда, когда я сижу и слушаю тишину, изредка перемежающуюся ночными шорохами, телефон звонит. И я слышу мужской голос, я жду его звонков, он, этот человек, моя единственная ниточка.

– Девочка, – укоризненно говорит он. – Ты снова вернулась?

Но сейчас я не там. Сейчас я просто плачу в шкафу.

Глава 8. Багров

Мерно гудел огромный комплекс завода. Я любил сюда приезжать. Руководить лично, а не через специально обученных людей. Здесь я чувствовал общность с делом, которое я делаю, с людьми, которые на меня работают.

Но сейчас... я коснулся металлического бока огромной трубы, что уходила вглубь комплекса извиваясь под углом в девяносто градусов. В ней текла кровь земли. Большие деньги. Многие жизни. Обычно это завораживало. Но...

Но сейчас я думал о ней и это порядком бесило. Вспоминал о том, как запрокинута её голова во время секса, как через белую кожу просвечивают дорожки вен. Вкус её слез – от него саднило на языке, в горле, но я не мог остановиться. Все её слезы достались мне. Вспоминал, как подсыхала бурой коркой на моей коже её кровь. Первая моя девственница – я никогда не гнался за чужой невинностью, наоборот предпочитал искушённых любовниц.

Торопливым шагом прошёл вдоль трубы до стоянки, на одном из припаркованных электрокаров доехал до административного здания. За ним, в стороне, в оазисе сосен, которые сохранили по прихоти Старовойтова, дом, в котором мы ночевали, приезжая.

Всё оформлено по высшему классу, уютные комнаты, за чистотой которых следит клининговая компания, из ближайшего ресторана к моему приезду всегда поставлялась свежая еда. Не только еда. В небольшом городке наш завод являлся основным местом трудоустройства, ко мне здесь буквально относились как к царю. Пожелал бы девственниц на завтрак – поставили бы. Но девственница, блять, у меня уже одна есть. Бывшая.

– Как там моя гостья? – спросил я у Макара.

Знал, что он точно в курсе, несмотря на то, что здесь, рядом со мной. Он всегда был в курсе всего, за это я ему платил.

– Больше не ревёт, – спокойно ответил он, но я распознал в его голосе отголоски иронии. – Ела так себе. Изволила погулять по саду.

Ему не нравилась эта девушка. Слишком странная. Да что там, она мне самому не нравилась, но и просто вычеркнуть её не получалось. Я любил ребусы.

Я кивнул, принимая его ответ. Сбросил пальто, здесь гораздо севернее и бывает прохладно даже летом. Прошёл в комнату и поморщился – на постели сидела девушка. Я не помнил, как её зовут, но точно знал – привозили уже её мне. Сексуальная брюнетка с большой грудью. Наверняка здоровая и со всех сторон проверенная. Никаких загадок.

При виде меня поднялась с постели, шагнула навстречу, повела плечом, позволяя тонкой бретельке соскользнуть, обнажив грудь до самой ореолы соска.

– Увези её, – бросил Макару проходя мимо. Девушка замерла, не зная, как реагировать, я снова поморщился и вдруг решил. – Привези сюда... Аллу.

Спонтанное решение, хотя я подсознательно все время об этом думал. Мне по карману все мои прихоти, а хочу я сейчас её, так чего разменивать? Из нашего города на самолёте компании два часа лета максимум.

– Сегодня? – переспросил Макар.

– Сейчас.

Уже через два с половиной часа в темнеющем лиловом небе показалась точка вертолёта. Я курил, вчитываясь в сводки цифр, но все же поглядывал на горизонт, ожидая его появления. Вышел навстречу.

Ветер был холодным и порывистым, её бледные щеки разрумянились, это ей очень шло. Светлые кудрявые волосы растрепались. На лице ни грамма косметики. Она увидела меня и молча пошла ко мне. Так же молча мы шли по мощеной камнем дорожке. Алла с интересом

оглядывалась вокруг, и интерес её понятен – громадина нефтеперерабатывающего комплекса человека непосвященного шокировала.

– Здесь... Грандиозно, – наконец сказала она.

Сошла с дорожки, и по колено в высокой колкой траве дошла до труб. Они огромные – в два метра диаметром некоторые. Коснулась, как я совсем недавно холодного металла. А затем... побежала к лестнице для технических работ, что позволяла на трубу залезть. Вскраб-калась. Я, спокойно куривший в ожидании, отбросил сигарету и пошёл к ней.

– Слазь, – приказал я. – Я конечно, царь и бог, но сейчас выйдет начальник смены и надаёт тебе по заднице за нарушение правил безопасности.

– Не-а, – покачала головой она. – Здесь... все иначе.

Смотрю на неё снизу вверх. Она стоит на высоте, на огромной трубе, которая проложена параллельно земле. Руки раскинула. Ветер треплет короткие волосы, полы тонкого, не по погоде плаща.

– Слазь, – повторил я.

В общем, в таких нелепых ситуациях я ещё не бывал. У меня были любовницы в этом городе, в частности, та брюнетка. Но ни одна из них не изъявляла желания лазать по трубам, как обезьянка. Страстно трахались, мирно сваливали. Знали, что нужно мирно, бабских капризов я не переношу.

– А ты догони, – показала язык Алла. И побежала по трубе, блять, высота метра три четыре, она на каблуках, которые звонко цокают по металлу. Я шагнул к лестнице, но она остановилась. – Я слезу, но только после одного вопроса.

– Валяй, – вздохнул я.

Алла задумалась. На высоком красивом лбу появились две морщинки. Макар за моей спиной молча психует и тоже не знает, что делать. Наверное, он мечтает, что Алла просто свалится и сломает шею. А с мёртвыми вообще никаких проблем, ему ли не знать.

– Тебе всего тридцать восемь, – наконец сказала она. – Как ты этого достиг? Как вообще один человек может иметь ЭТО?

Повернулась вокруг своей оси разводя руками. Я поневоле тоже посмотрел, её глазами. Это место было по своему красиво. Десятки труб торчащих у небо, словно вулканы извергающих пламя, ярко оранжевое в вечерних сумерках. Гигантские цистерны, размером со здание. Лабиринты труб, что перекачивали нефть и её производные. Комплексы лабораторий. Да, моё детище впечатляло.

– Сначала я купил заправку, – вдруг неожиданно для себя сказал я. – Очень давно, почти двадцать лет назад... Один я бы не смог. Нас было несколько.

– Да? – с любопытством спросила она. – Значит, это все не твоё?

Не знаю почему, но её слова меня задели. Потому что завод и правда моё детище, моё блядь, больше ничье. И я, один из богатейших людей региона чуть не психанул.

– Моё, – жёстко сказал я. – Тех, кто думал иначе сейчас нет. Слазь давай.

Алла посмотрела на меня склонив голову. В её взгляде странная сосредоточенность. У неё вообще слишком взрослые глаза для такой юной девушки. А сейчас её взгляд не то, что пугает, скорее завораживает.

– Лови, – вдруг сказала Алла.

И... прыгнула. Прыгнула, блядь. Такого не ожидал ни я, ни Макар. Но тело среагировало само, я шагнул вперёд, и все же поймал её, покачнувшись и едва не упав сам. Стою, держу её в руках, Макар матерится сквозь зубы, а она...

– Молодец, – и даже не улыбнулась, голос серьёзен. – Поймал.

Выбралась из моих рук и как ни в чем не бывало вернулась на дорогу.

– Ещё раз, – сказал я, доставая сигарету. – Ещё раз такое выкинешь и я сам тебе шею сломаю. Все поняла?

– Кто платит деньги, – пожала плечами она. – Тот девушку и танцует. А уж как танцевать...хозяин барин.

И я понял, что хочу её. Вот сейчас. Мог бы прямо здесь трахнуть, но веду, почти тащу её, к шале, которое спряталось между сосен почти в самом центре нефтеперерабатывающего комплекса. Оно, такое изящное, словно перенесшееся сюда с Альп, такое же странное и неуместное, как эта девушка.

Глава 9. Алла

Его рука такой горячей кажется. Я замёрзла, так сильно замёрзла в этом холодном краю, на трубе этой дурацкой... Зуб на зуб не попадает, а я храбрюсь, хотя больше всего сейчас хочется тепла. Но... тепло мне предвидится только одно – тепло его тела.

– Ты холодная, как лягушка, – выдохнул Багров.

– Мертвая лягушка, – ответила я, и он хмыкнул.

Я и правда себя чувствовала лягушкой, распятой на стекле, маленькой никому не нужной, просто подопытное созданием. Но у лягушки не было выбора, а у меня был. Я сама пришла, никто меня не заставлял.

Он втащил меня в дом за руку, я даже не успела оглядеться. Не смогла понять, куда делся Макар. Просто шёл за нами след в след, как всегда сверля меня злобным взглядом, а потом растворился, оставив нас в одиночестве.

– Раздевайся.

Сам же Багров уже сбросил на пол пальто. Я последовала его примеру. В спальне горит камин, но все равно голые руки сразу покрываются мурашками. Расстегиваю блузку не торопясь и смотрю на него. Интересно, он когда-нибудь теряет самообладание? Каково это? При этой мысли и страшно и щекотно. Больше всего Багров похож на робота, у которого просто нет эмоций. Но несмотря на это, он любит властвовать. И сейчас, теряя терпения дёргает мою блузку и жемчужные пуговицы сыплются, выстукивая по полу частую дробь.

Потянул меня к себе, повалил на постель. Мне немного страшно – после того, нашего первого секса прошло уже три дня, и саднящая боль в промежности отступила только недавно. Но я отличие от того дня, сейчас я готова. Я знаю, что меня ждёт. Потому что читать о сексе в интернете и заниматься им совершенно разные вещи.

Только... Багров отступает от сценария первого дня. Тогда он просто набросился на меня, словно наказывая за что-то. Сейчас он медлит. Наверное, изучает меня, как я все время изучаю его. Склоняется. Я чувствую его дыхание на своей коже. Он нависает надо мной сверху, лицом к лицу. И я... закрываю глаза сдаваясь. Видеть его так близко немного страшно. Но и с закрытыми глазами – жутко.

Дыхание обжигает, и не мёрзну вдруг, а слишком жарко. И я вовсе не хочу лежать вот так, с закрытыми глазами, ожидая и боясь его следующего действия. Но открыть глаза не смею.

А он касается моей шеи. Не целует, проводит кончиком языка, оставляя мокрый след. Стягивает лямку лифчика, высвобождая грудь. Соски твердеют, но, убеждаю себя, не от его прикосновений – от холода. Багров же прикусывает кончик языка. От его прошлых укусов на моей коже до сих пор розовые следы. Сейчас он кусает осторожно. Втягивает сосок в рот, словно пробуя на вкус. Глупое тело, обманутое ласками, откликается теплом внизу живота. Это тоже не моя реакция – это физиология. Просто тело двадцатилетней девственницы, которое жаждет продолжения рода. И тут оно обмануто – инъекция не даст мне забеременеть. Но этому я рада.

Рука Багорова опускается ниже. Он не снимает с меня белья, гладит по верху него. Безошибочно находит клитор, обводит круговым движением. А мне... мне все это не нужно. Я хочу, чтобы он был жесток ко мне. Чтобы делал больно. Я вовсе не хочу получать удовольствие в постели убийцы.

– Не нужно, – вяло сопротивляюсь я.

Глаза открываю. Багров смотрит на меня с усмешкой. Наверное, наперёд знает все мои реакции. Наверное, его это забавляет. Рубашку он снял, я вижу его торс, покрытый лёгким загаром, плоскую грудь, несколько тёмных волосков у ореолы сосков, полоску волос убегающую вниз, под расстегнутый ремень брюк. Что прячется там, я уже знаю.

– Нужно, – возражает он. – Нужно все, что я захочу. Или тебе что-то не нравится? Иди, на КПП тебя выпустят.

Я со стоном смиряюсь. Он знает, что никуда я не пойду. Раздвигает мои ноги, которые я сжала, сопротивляясь. И...ниже опускается. Темноволосая голова между моих ног. Горячее, влажное прикосновение языка обжигает через трусики, я вскрикиваю и отодвигаюсь, отталкиваясь пятками от постели.

Багров вздыхает и закатывает глаза. А я понимаю, что мне нужно взять себя в руки – нянчиться со мною он точно не будет. А ждать семь лет нового шанса я не хочу. Быть может, он уснёт сегодня рядом со мной, успокаиваю я себя.

– Всё хорошо, – говорю я, контролируя голос, чтобы не дрожал. – Я сделаю все, что вы скажете.. Он снова глаза закатывает скептически. Расстегивает ширинку, выпуская наружу эрегированный член. Берет меня за руку. Заставляет обхватить член рукой. Я чувствую, как пульсирует плоть под моей ладонью. Член широкий, не удивительно, что я три дня мучилась от боли – мои пальцы едва смыкаются, самыми кончиками ногтей.

Кожа нежная и удивительно мягкая. Под ней упругий стержень и переплетение вен. Провожу рукой от основания, до самого конца, затем снова сжимаю пальцы. Смиряюсь с тем, что ЭТО нужно будет брать в рот.

– Черт, – ругается вдруг Багров. – Какого хрена!

Я выпускаю член, забиваюсь в уголок постели. Только тогда понимаю, что погруженная в свои переживания я выпала из реальности. В доме шум. Какой-то грохот и крики. Багров одевается, и я неожиданно думаю о том, что наверняка запихивать в штаны торчащий член – больно. Неожиданная мысль заставляет хихикнуть и Багров оборачивается и недоуменно на меня смотрит.

– Смешно? – спрашивает он. И бросает, не дожидаясь ответа – тут жди, скоро вернусь.

Уходит. И я рада этой передышке – она позволит мне прийти в себя. Сдергиваю с постели одеяло, заворачиваюсь в него, прячусь с головой, трясясь то ли от холода, то ли от осознания, что все не так идёт, как мне мечталось. С некоторым страхом пробираюсь рукой под свои трусы. Там...там мокро. Там скользко. Руку отдергиваю. Впиваюсь в предплечье зубами, кусая себя куда сильнее, чем кусал Багров.

– Ничего, – шепчу успокаивая сама себя. – Это правильно. Так больше шансов на то, что он будет...дольше мной пользоваться.

Да, наверное, мужчинам по нраву, когда на них реагируют должным образом. Выбираюсь из постели, иду к окну, завернувшись в одеяло. На столе сигареты Багрова, закуриваю. Смотрю на улицу.

Пейзаж сюрреалистичен. Кажется, что все вокруг залито кровью. Тому способствуют и густые потемки, и отсветы, что падают на землю от гигантских горящих факелов. Все моё, сказал Багров. Отец тоже с любовью отзывался о деле всей своей жизни. Рассказывал, что новейшие технологии в отрасли. Что никакого вреда экологии. Что производство совершенно без отходов – все идёт в дело, все приносит деньги.

– Но тех, кто думал иначе, сейчас нет, – повторяю слова Багрова вслух и глубоко затагиваюсь. От сигаретного дыма першит в горле.

Багров все не возвращается. Я выглядываю в коридор – он пуст. Там, в резиденции Багрова охраны много, здесь всего несколько человек, что немудрено – на территорию завода сложно попасть и бояться нечего.

Мне хочется выйти и посмотреть, что происходит, но я боюсь. Прислушиваюсь. Доносятся голоса, но они слишком тихие. Крадусь, путаясь в одеяле.

– Я все сделал правильно! – кричит незнакомый мне мужчина. – Не тебе мне указывать!

– Я затрахался тянуть тебя из дерьма, – тихо отвечает Багров. – Однажды мне надоест и я просто утоплю тебя в нем.

Громко хлопает дверь, я возвращаюсь, хотя мне очень интересно в чем дело. Мне интересно все, что касается Багрова. Я готова была впитывать любые сплетни – а тут первоисточник.

В комнате я жду Багрова ещё час. Часы на стене равнодушно отсчитывают секунды, каждую с сухим, по нервам бьющим щелчком. Очень хочется пить, но на столе только виски. Я не пью алкоголь, он лишает людей контроля.

– Я всего лишь попою водички, – оправдываю себя.

Это – причина. Её я скажу Багрову, если попадусь и он спросит, какого хрена я здесь делаю. Надеваю свою юбку. На блузке нет почти всех пуговиц, и она прикрывает меня весьма условно. Выхожу, бреду в поисках кухни, спускаюсь на первый этаж.

Дом пуст. Это даже немного пугает, на мгновение, мне кажется, что исчезли все, оставив меня одну в этом завораживающем, но пугающем месте. Достаяю стакан из застекленного шкафчика, наполняю его водой.

– Так вот ты какая, – раздаётся сзади мужской голос. – Новая игрушка.

От неожиданности я роняю стакан на пол. Он разбивается, холодная вода окатывает босые ступни. Оборачиваюсь, четко понимая – нужно было сидеть в комнате, как велено.

– Да, – спокойно отвечаю я. Никогда нельзя показывать свой страх. – Но не ваша.

Мужчина красив. Гораздо красивее, смазливее даже Багрова. В его глазах легко читается похоть. Он жесток и не считает нужным скрывать свою жестокость. Багров умнее. Он прячет любые чувства.

– Господь завещал делиться, – шепчет мужчина и идёт ко мне. – Особенно такими хорошенькими девочками.

Он пьян – от него несёт алкоголем. Я узнаю его – он смотрел на меня с веранды в мой первый день. И я знаю, кто это. Приспешник Дьявола. Тот, кто во всем Багрову вторит. Он тоже замаран донельзя, но не он убивал моих родных. У этого не хватило бы решимости. Но тогда я узнавала все подробности уголовного дела, какие удавалось – Марка Довлатова в городе не было. Он улетал на выходные вместе со своей любовницей.

– Я позову Багрова, – предупреждаю я.

– А он ушёл, – хихикает явно довольный собой Марк.

Толкает меня. Я дезориентирована, ударяюсь спиной об огромный холодильник так, что перехватывает дыхание. Блузка трещит, я пытаюсь прикрыться, но безуспешно, он сильнее. В этот момент я ненавижу и себя, за то, что попала в эту ситуацию, а этого ублюдка, за то, что он считает себя в праве просто взять и изнасиловать женщину.

Мокрый рот впивается в мою шею. Тяжёлое тело наваливается, я кричу, но воздуха не хватает, мне кажется, я лечу в бездонный колодец, чёрный, как сама тьма. А потом...потом вдруг становится легко-легко, я втягиваю воздух полной грудью, не понимая, до конца, что происходит.

Он его бил. Багров. Сначала от меня оттащил и бил кулаками. Марк повалился на пол, скрючился, а Багров пинал его ногами. Он делал это с расчётливым спокойствием, но я вдруг поверила, что он может убить. И убивал, да. Так же спокойно, с такой же ленцой в глазах. И Марка, возможно, тоже убьёт. Но мне с этого никакого прока – его не наказали за убийство моих родных, не накажут и сейчас. Телохранитель бездействует, просто ожидая, когда хозяину надоест. Поэтому я шагаю, обнимаю Багрова со спины. Мне кажется, он сейчас и меня может отбросить, ударить, но он останавливается.

– Не нужно, – шепчу я. – Ты его убьёшь.

Костяшки на его руках сбиты. Дыхание тяжёлое, как после секса. На лбу бисеринки пота. Вытираю их ладонью. Багров смотрит на меня, в его глазах – беспросветная тьма. Затем наклоняется к лежащему на полу Марку и чётко, отдельно, говорит.

– Никогда. Не. Трогай. Моё.

Глава 10. Багров

Бешенство бурлило, словно адское месиво в чёртовом котле. Она касалась меня сзади. Обнимала даже, говорила что-то. А я...не слышу ничего, перед глазами кровавая пелена да пульсация крови в ушах вместо всех звуков.

Мне хочется отбросить её прочь. Чтобы отлетела, ударилась о стену, сползла вниз сло-манной куклой. Но я не делаю этого. Смотрю на Марка у своих ног. Алла боялась, что я могу его убить. А мне и правда убить его хочется.

– Пошли, – бросаю ей.

Хватаю за руку. Волоку за собой. Не в комнату, доводить до конца начатое, я веду её прочь, стараюсь дышать глубже, чтобы унять ярость. Вспоминаю его руки на её молочного цвета нежных бёдрах. Там же, где рядом пятна от моих прикосновений. И вернуться хочется. Но я иду, почти бегу к вертолетной площадке и Алла едва поспевает за мной. Макар звонит, дергая пилота, организуя нам перелет. Дует, завывая резкий ветер.

У вертолёт я останавливаюсь, в ожидании, пока подбегающий пилот откроет. И смотрю на Аллу первый раз за эти минуты. Она почти раздета. Юбка, блузка, на которой нет ни одной пуговицы. Бюстгалтера на ней нет, я вижу натягивающие ткань острые горошины сосков.

– Дура, – с чувством говорю я, почти успокаиваясь разом. – На что тебе язык?

– Делать вам хорошо? – спрашивает она, отстукивая дробь зубами.

Снимаю, отдаю ей свое пальто. Июньские ночи на севере коварны. Вертолёт ещё не прогрелся, мерно гудит, мигает огнями панель приборов. Алла забивается в угол, пытается накрыть разъезжающимися полами пальто голые колени. Смотрит на меня омутами глаз. Я отвожу взгляд, костяшки пальцев ноют, пульсируя болью.

Перелет длится долго. Мне кажется, что несколько часов, на деле, мы добираемся до дома ещё до рассвета. Алла идёт за мной все так же босиком, а затем окликает меня.

– Что? – спрашиваю не оборачиваясь.

– А мне...мне что делать?

Вздыхаю, стараясь унять раздражение и накопившуюся горечь.

– Что хочешь. Только меня не беспокой.

Я не напился, нет. Сидел на длинной террасе второго этажа, курил, пил коньяк, кото-рый не выносил. Одна порция, вторая. Утро поднялось, солнце, сначала робкое и серое, затем жгуче-радостное, так непохожее на мягкое северное солнце.

Аллу я увидел только после обеда, когда проснулся с разбитой головой. Принимал душ, разглядывая ссадины на костяшках. Думал о том, что теперь может учудить обиженный Марк. А он точно учудит, мстительный засранец.

Вышел на трассу, меня ожидал горячий, с дымком пара кофе. Тогда я её и увидел. Она шла с дальнего конца сада, так далеко, наверное, только садовник и добирался. Несла что-то маленькое, бережно удерживая двумя ладонями. Я поневоле заинтересовался, кивнул Макару, и тот спустился в сад за Аллой.

Вид у девушки был боевой и одновременно немного смущенный.

– Что там?

Она немного помедлила, а затем позволила посмотреть, кто прятался в гнезде её ладоней. Птенец. Крошечный, почти лысый, на теле только пух редкими клочками.

– Я не знаю, что эта за птица... Гнездо опрокинулось, ещё два птенца погибли, этого я взяла.

В голосе заметна мольба. Она боится, что я просто могу не позволить ей возиться с этим заморышем. И кстати, прав буду.

– Это просто воробей, – ответил я, и заметив её удивлённый взгляд, пояснил – миллионеры тоже когда-то были мальчишками.

Меня ждал офис, и я на некоторое время выбросил из головы и Аллу, и её питомца. Марк все ещё не вернулся, наверное ходил и лелеял свои обиды запивая обильными порциями виски, и пользуясь всех хорошеньких девушек в округе. Признаться, без него дышалось легче.

А вечером, когда вернулся, пошёл к Алле сразу. Птенец был жив. Сидел, периодически вырубаясь, скатываясь в сон, в гнезде, сделанном из коробки от дорогой дизайнерской обуви. Глаза его то и дело закрывались полупрозрачными веками, а клюв требовательно открывался.

– Ваши ребята отвезли меня в магазин, – сказала Алла. – Я купила ему червяков и пипетку. Жрёт.

– Чего бы ему не жрать, – пожал плечами я.

На ней сегодня простая белая футболка. На плече свежее пятно. Ноги в спортивных шортах, розовые носки. Очень по-домашнему выглядит, словно разом задвинув меня на второй план. На первом месте детёныш, пусть даже птичий, потом только я.

– Не вздумай к нему привязываться, – заметил я. – Ты ему не мать.

Алла повернулась ко мне. Глаза – светлые. В них чёртов туман, ни одной мысли не прочесть, не угадать, а я привык знать, чем живёт мой оппонент.

– А если я забеременею, что будет?

Я достал сигарету, с удовольствием закурил, с не меньшим удовольствием рассматривая девушку, которая в любой ситуации могла быть так хладнокровна, что даже мне на зависть.

– Одна девушка хотела от меня забеременеть. И у неё даже получилось.

– И?

– Я заставил её сделать аборт.

Ни капли негодования не отразилось в её глазах. Просто кивнула, принимая то, что я сказал, как данность. Потом повернулась к своему заморышу, который требовательно запищал, и отправила в его разинутый клюв извивающегося червяка.

А я подумал о том, что сегодня нужно закончить начатое. Этой ночью я не хотел её трогать, потому что боялся на эмоциях просто исковеркать её красивое тело, надругаться над ним. А хочется мне иного. Я хочу, чтобы она кричала. Но – от удовольствия. Ибо мне вдруг показалось, что испытывать удовольствие от моих прикосновений ей... неприятно. А мне нравится провоцировать людей.

– Вот же ненасытный, – проворчала Алла.

Потянулась за пипеткой с водой и шорты натянулись на округлой попе. Точно, сегодня. Алла же, нисколько не обращая на меня внимания возилась с птенцом, словно он не полудохлый воробьиный птенец, а её... её детёныш.

И представилось вдруг, как ткань футболки натягивает её округлый живот, в котором растёт мой ребёнок. И взгляд Аллы будет привычно затянута дымкой тумана. На лице будет блуждать загадочная улыбка, а сама Алла будет вся заточена на то, что происходит внутри неё.

Бред.

– Не привязывайся к нему, – напомнил я. И добавил. – Он все равно сдохнет.

Глава 11. Алла

Он пришёл ко мне ночью. Я забылась тревожным сном, ещё не успела прийти в себя после ночного перелёта, а тут ещё и детеныш, которого кормить нужно по таймеру, как велела мне умная статья из интернета. Таймер пищал каждые сорок пять минут, и я, мечтавшая вздремнуть весь день, так и маялась над птенцом. Наконец, он уснул, но что-то подсказывало мне – проснётся с первыми лучами солнца.

Багров уехал. В хлопотах я почти сумела о нем не думать. Но он вернулся. Сначала, во сне. Мне снилось, что он держит на руках тело Аниютки, и укоризненно качает головой. А потом... потом перевёл взгляд с ребёнка на меня, руку мне протянул, на ней – капли крови.

Проснулась я с криком. Потому что руки и правда на мне были. Мокрые и холодные. Они бесцеремонно стянули с меня одеяло, забрались под футболку, накрыли грудь. Я не поняла сразу. Не вспомнила где я, зачем... Забилась, закричала, пытаюсь высвободиться.

– Тихо, – прошептал Багров. – Я тебя не съем.

– Просто вы такой холодный...

– Дождь.

Капли воды срывались с его волос, падали на мою кожу. Словно он и правда пешком шёл под дождём, босой, как я недавно, а вовсе не ехал в люксовом автомобиле. Я была немного дезориентирована внезапным пробуждением и не понимала, как должным образом реагировать.

Багрова это не смутило нисколько. Закатал мою футболку, стянул через голову, стащил с меня трусики. Потянулся к губам. Я не знала, зачем ему вообще меня целовать. Поцелуи это пережиток любовных романов и романтических мелодрам. С проститутками, а именно так я себя сейчас чувствовала, можно не целоваться. Но...

Но Багрова эти стереотипы явно не волновали. Вынудил меня приоткрыть рот, впуская его язык. Я ощутила его прикосновение своим языком и вздрогнула, только отступить некуда. Я чувствую, как упирается его член в мою промежность, немного надавливая, словно намекая на то, что скоро внутри меня будет.

Поцелуй такой долгий, что мне не хватает воздуха. Наверное, именно из-за этого у меня кружится голова. Вовсе не потому, что его руки везде. Не позволяют моим ногам сомкнуться. Поглаживают промежность, скользя по влаге, которая выступает, появляется из меня, безошибочно находит клитор. Каждый раз, когда он его касается, меня словно током стучает. В общем, я знаю, что такое клитор, и для чего он тоже... Только никаких оргазмов в постели Багрова мне не хочется.

– Вот упрямая, – шепчет Багров, отпуская мой рот на волю. – Очень упрямая.

Ласкает мою грудь. Я снова глаза замуриваю, радуясь тому, что темно. И тихо, так тихо, что слышно только наше дыхание и шелест тел о дорогие простыни.

Багров хозяйским движением переворачивает меня на бок, вынуждая выгнуться. И проникает в меня сзади. Я напрягаюсь, потому что все ещё чувствую боль, пусть и не такую оглушающую, как в первый раз. Сначала Багров медлит, а потом толкается и проникает в меня до упора. Моя ладонь лежит на нижней части живота, я вообще не знаю, куда девать свои руки во время секса. И ею я чувствую, как он движется внутри меня. Его дыхание на своей коже. Рука Багрова стискивает мою грудь, чуть играя с соском. А потом скользит вниз, туда, где наши тела связаны друг с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.